

Татьяна
Краснова

ЛЮБОВЬ

БЕЗ СТРАХОВКИ

Мужские истории

Женские истории

Татьяна Краснова

Любовь без страховки

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Краснова Т. А.

Любовь без страховки / Т. А. Краснова — «Центрполиграф»,
2019 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-08720-1

Внешне у Ирины и Романа все благополучно, а какие-то мелкие размолвки и ссоры по пустякам – в чьей семье их не бывает? Но Ирина чувствует, что все эти мелочи не случайны и что-то важное уходит из их с Романом счастливой жизни. Совместное короткое романтическое путешествие по красотам Золотого кольца должно, по мысли Ирины, дать возможность супругам сосредоточиться друг на друге, оживить чувства, отогнать ощущение тревоги за их брак. Но с самого начала все в этом путешествии идет не так, как задумано. Чужие люди, чужие мысли и эмоции вторгаются в замкнутый семейный мирок, и непонятно, к худу это или к добру.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08720-1

© Краснова Т. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Золотое кольцо	6
Белогорск – Москва	6
Москва – Сергиев Посад	7
Сергиев Посад	10
Сергиев Посад – Владимир	15
Владимир	19
Владимир – Боголюбово	22
Владимир	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Краснова

Любовь без страховки

© Краснова Т.А., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Золотое кольцо

Белогорск – Москва

В дорогу! в дорогу! прочь, набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица!

Н.В. Гоголь

– Изюм, орешки, семечки жареные, шоколад молочный, белый, горький, пористый!

Свежий залиvistый голос – как будто и не семь утра – заставил пассажиров вздрогнуть. Все только задремали, до Москвы еще больше часа. А разносчица бодро шагает по вагону, продолжая громко частить:

– Шоколад с орехами, с изюмом, с фундуком, с мюсли, с карамельной начинкой, с шоколадной начинкой, с помадно-сливочной начинкой, с лесными орехами, с рисовыми хлопьями, с семечками, с кукурузными хлопьями!

Подросток лет пятнадцати фыркнул, перестал писать эсэмэску и повернулся к матери, но та спала, прислонившись к окну.

Торговка не унималась:

– Шоколад молочный с йогуртом, с печеньем, с хрустящей кукурузой, с печеньем и миндалем, с целым миндалем!

– А с перцем есть? – перебил ее мужской голос, спокойный, ровный, интеллигентный, но она уже пронеслась в другой вагон.

Парень хрюкнул и снова поднял глаза от мобильного – гурман оказался взрослым дядькой, на вид таким же приличным и воспитанным, как и его голос. А его спутница с волосами цвета баклажана что-то заговорила сердитым шепотом. Ироничный дядька ничего не отвечал и озирался с любопытством, словно ехал в электричке первый раз.

Эти двое были одеты по-дачному, как и почти весь вагон, и баклажан на голове был не таким необычным, как, например, леопард, в которого превратила свою клочковатую прическу еще одна тетка напротив. Но мальчишка время от времени посматривал на эту парочку: сердитая продолжала забавно сердиться, тыча пальчиком то в какую-то схему, то в часы у дядьки на руке – огромные, со множеством циферблатов и стрелок. А ироничный всё так же не реагировал и с пристрастием изучал бегущую строку с названиями остановок.

Мама встрепелулась и дернула сына за рукав:

– Нам здесь выходить.

Здесь выходила вся электричка, перетекая по платформе в метро.

На красной мраморной облицовке станции отчетливо вырисовывались закрученные в спираль раковины – настоящие доисторические аммониты. И морские лилии, похожие на раскрывшиеся цветы. Но мама, конечно, не дала разглядеть окаменелости как следует – не опоздать бы! – и, немного с ней поспорив, сын шагнул в вагон. Повернулся к задвигающимся дверям – сквозь них, в толпе, мелькнул знакомый баклажан. Сердитая опять отчитывала спутника, потрясая схемой, а ироничный смотрел поверх голов на указатель с пересадками. Вагон двинулся, окаменелости побежали следом и быстро превратились в тоннель.

Москва – Сергиев Посад

Путешествия обнаруживают не столько любопытство наше по отношению к тому, что мы собираемся смотреть, сколько усталость от того, что покидаем.

Альфонс Карр

Они прибежали к автобусу последними. И всё из-за того, что совершенно разучились ездить на метро!

Ирина изо всех сил скрывала раздражение: муж, как всегда, оказался прав, предлагая взять такси если не от дома, то хотя бы от вокзала, но поступили они как обычно – по ее настоянию. Но правда, глупо лезть в такси из-за двух остановок, и практически без багажа, и еще когда времени целый час в запасе. И потом, студенческие годы оба провели в столице и ездили тогда исключительно в метро.

Последние несколько лет в этом не было необходимости, но тем не менее они не деградировали – пересадку сделали правильно, вот только спать не надо было. А то упали на сиденье – и заснули. И какой же был перепуг, когда вдруг прозвучало: «Конечная. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны». Какая конечная, когда нужны «Красные Ворота»?! Тут и выяснилось, что они к тому же ехали в противоположную сторону.

– Сели бы правильно – еще дольше бы спали. Катались бы по всему кольцу, – мрачновато пошутил Роман, но смешно не было.

Начало отдыха скомкалось, словно подтверждая, что задуман он неудачно, как повторял еще дома тот же Роман, – и именно это выводило Ирину из себя, а не само «приключение».

Ведь уехать нужно было не столько для того, чтобы отдохнуть или насладиться старинной, – она хотела избавиться как раз от этого раздражения, которое в последнее время вползало в каждый их разговор, в заурядное обсуждение повседневных дел, даже в простое приветствие при возвращении домой с работы.

И это при том, что Голубевы заранее позаботились, чтобы их семейной жизни ничего не угрожало и ничего не раздражало. Они сразу объявили родителям, что собираются жить отдельно, хотя обе стороны надулись. И у тех и у других были большие, просторные квартиры. И те, и другие считали, что снимать жилье – это кидать на ветер деньги, которые лучше копить на покупку собственного, – и в этом, разумеется, был резон.

Но Роман и Ирина решили, что покой стоит того, чтобы заплатить за него, пусть немалую цену. Никаких упреков из-за не туда поставленной чашки. Никаких претензий по поводу шумных вечеринок и засидевшихся гостей. Никаких вопросов насчет Ириных собак или Роминых схем и книжек, разложенных на всех столах и подоконниках. Никаких поучений, взаимных обид, анекдотических или трагедийных сцен с тещами и свекровьями. Наконец, никаких очередей в туалет в трусах и ночных рубашках.

К тому же с жильем повезло: знакомый недорого сдал им свой дом в Сосновом Бору, пригороде Белогорска, один из тех типовых коттеджей, которые построили для сотрудников НИИ, где Роман начинал работать. А потом и вовсе предложил продать в рассрочку, так что они почти сразу привыкли считать домик своим. В этом году Голубевы уже собирались полностью его выкупить: научное предприятие, которое отпочковалось от института и в котором работал Роман, один за другим получало хорошие заказы.

Жизнь шла в гору, и никто и ничто не мешало им жить, как они хотят.

Кроме вот этого непонятного, беспричинного недовольства друг другом, которое неожиданно начало появляться само по себе. Ирина, анализируя потом их вспышки, словно распу-

тивала безобразный клубок и с трудом доискивалась до начала – и начало всякий раз оказывалось таким смехотворным или его вовсе не было, пустое место.

Последняя, «мусорная» сцена у ворот ее просто напугала.

Пронесшийся ураган наломал веток, сорвал ветхие кровли и разноцветные флажки, развешанные повсюду к Дню города, собрал по улицам мусор и весь его, казалось, высыпал к забору Голубевых. Они подъехали с работы одновременно, Роман – на серебристой «хонде», Ирина – на желтом «пежо».

– Прямо Новый год какой-то, – подивился Роман, разглядывая гирлянду немного помятых, но радостных флажков, картинно повисших на воротах, и кучу всякой дребедени под ними. – Помойка с доставкой на дом.

– Мело, мело по всей земле, во все пределы, – прокомментировала Ирина.

– Ну, а вот это всё перед тем, как намело, кто-то должен был накидать. – Роман, открывая ворота, провез ими гору бумажных стаканчиков, фантиков, оберток от мороженого. – Что за люди?! Кто мне скажет, когда они перестанут свинячить и везде сыпать мусор?

– Я скажу, – неожиданно ответила Ирина, сдвинув брови. – Когда к людям перестанут относиться, как к мусору.

С тех пор как она взялась за издание рекламной газеты и особенно с тех пор, как в «Белогорских вестях» стали появляться городские новости, к ней не зарастала народная тропа. Граждане шли в газету, чтобы найти правду, после того как уже пообивали пороги всех парадных подъездов и получили от ворот поворот у разных чиновников. Ирина, совсем к этому не готовая, растерянно выслушивала истории о потолке в квартире последнего этажа, текущем много лет, о помойке, которую не вывозят неделями, о подъезде с разбитыми окнами и выломанными дверями.

В грамотно составленный бизнес-план ее коммерческого издания это не входило, но бросить на произвол судьбы беспомощных людей, наивно верящих во всемогущество прессы, было невозможно. Поначалу Ирина пыталась лично хлопотать, но быстро поняла, что газета должна помогать по-газетному. И в «Вестях» начали появляться фоторепортажи с тазиками, в которые капает вода с потолка, с «живописными» подъездами – и действовало это на разные инстанции очень быстро. Но и ходоков потом прибавлялось.

У Иры Голубевой, выросшей в благополучной семье, в благополучном доме, за этот год буквально раскрылись глаза: в каких жутких условиях могут обитать живые люди в двадцать первом веке, под боком у сытой столицы, и как беспомощен бывает человек, пытаясь добиться чего-то элементарного.

В тот день к ней пришли с рассказом о том, как крысы прогрызли стену, смежную с мусоросборником, и одна за другой пролезли в квартиру, и продолжали лезть, словно в фильме ужасов, даже сквозь свежие цементные заплатки, наляпанные перепуганными жильцами. Серые крысы величиной с кошку! Шесть штук, одна за другой. Двое стариков неделю призывали на помощь свое ЖЭУ, а оно все силы тратило, чтобы от них отвязаться.

Наверное, под впечатлением от жуткой крысиной истории она ответила Роману так резко, словно это он был виноват во всех людских несчастьях. Он, ни в чем не нуждающийся, благополучный и успешный, видящий только себе подобных из своего научного мирка, не смеет с пренебрежением и свысока говорить обо всех остальных! Не смеет называть свиньями всех, кто не входит в его круг!

Что самое ужасное, Роман всё так и понял. Он вообще сразу всё понимал и только удивился:

– Так это я – воплощение мирового зла?

Ирина, убитая, потом себя добивала: а она не из того же круга? Не из того же теста? Рафинированная музыкантша, жизнь которой проходила среди роялей и фортепьян! С какой стати она выпалила свои обвинения, да еще так пафосно? Как будто прохожие и в самом деле

не свинячат и не бросают себе под ноги окурки и прочую дрянь. Да она же сама завела целую фоторубрику о стихийных свалках – «Мусорный ветер», которая каждый номер пополняется новыми «пейзажами»! И в конце концов, это общее место – поругать грязь на улице, что такого Ромка сказал-то?!

Словом, это был кошмар, от которого надо как-то избавляться. И если в каких-нибудь семьях кошмар – это скандал с битьем посуды, то для Голубевых достаточно было такой вот сцены у ворот, чтобы оба потом по-настоящему мучились и думали, что делать.

Действительно, что, изводилась Ирина. А может, это не случайно, может, это кризис семейной жизни, которой как раз пять лет – самый кризисный срок? И всё тем серьезнее, чем нелепее поводы для ссор? Ну, зажарила она тогда курицу на ужин, что для нее – подвиг, ну, рассказала Роману о крысах, он понял. А дальше? Заранее кур припасать, и побольше?

О выходах из кризиса она читала, варианты предлагались разные: сходить к психологу, провести отпуск врозь, чтобы соскучиться, провести его, наоборот, вместе, но как-нибудь необычно. Ирине больше нравился последний вариант. Но отпуска нет! Отпуск не грозит ни ей, ни Роману, по крайней мере до осени. Оба – руководители, не могут же они, как дети, вдруг бросить дела из-за своих прихотей. А что-то делать надо срочно, осени ждать нельзя.

И Ирина придумала эту поездку по Золотому кольцу. Всего четыре дня. Два из них – выходные, дела не пострадают. Она и он, и никого больше, даже автомобиля – за рулем не отдохнешь. Демократичная автобусная экскурсия. Никакой пошлой заграницы – своя русская старина. Сергиев Посад, Владимир, Суздаль – ведь прелесть. Они полностью сменят обстановку, расслабятся, переключатся. Главное – ни одного знакомого лица. Ирина, выбирая тур, специально съездила в Москву, в турфирму, о которой в Белогорске слухом не слыхивали.

Правда, муж был не очень доволен, называя предстоящую поездку «очередным чудачеством», «лжеэксотикой» и «студенческой выходкой», – но в пять утра проснулся и в общественный транспорт полез.

В свой туристический автобус, лимонный, с зеленой и оранжевой полосами, который еще немного – и уехал бы без них, Голубевы садились последними.

– Покатим со всеми удобствами, – заключил Роман, увидев единственные свободные места в самом конце салона.

Он думает, что это сказано с иронией! Да ничего, автобус приличный, комфортабельный, чехлы чистые, кондиционеры дуют. Может, не очень будет трясти? Осматриваясь, Ирина столкнулась взглядом с миловидной женщиной лет тридцати. Та неуверенно кивнула.

Ирина опешила. Приехали. И это называется – ни одного знакомого лица! Правда, лицо было едва знакомым, но запоминающимся: яркие голубые глаза и волнистые черные волосы. А вот имя всплывало с трудом. Кажется, Елена, ландшафтный дизайнер. Она им помогала приводить в порядок сад, когда они решили выкупать дом и начали по-хозяйски обихаживать территорию. И мальчик-подросток вместе с ней. Видимо, сын – лицо такое же.

Вот досада! Так хотелось видеть вокруг себя только нейтральную толпу – хотя бы четыре дня.

Может, проницательный Ромочка прав: она зря всё это придумала?

Сергиев Посад

*Заметив, что дорога мне как будто полезна, мать ездила со мной
беспреданно...*

С.Т. Аксаков

– Мам, мы что, стоять, что ли, здесь будем?! Ник с ужасом смотрел на неподвижную многослойную очередь, протянувшуюся через всю площадь. И по маминому лицу понял: будем. Ей непременно хочется набрать святой воды. Ну зачем?! Богомольностью она не отличается, шипучка у него еще осталась, он всегда готов поделиться.

– А ты погуляй по лавре, осмотришься, – посоветовала Лена, – тебе ведь необязательно стоять и страдать.

– А вдруг ты уже уйдешь, когда я вернусь?

– Да нет, здесь на час, не меньше.

Ник облазил за полчаса весь монастырь, заглянул во все сувенирные магазинчики, посмотрел на все соборы, задержался у небольшой церковки, разглядывая приставную деревянную лестницу, которая вела наверх, к колоколам. Написал еще одну эсэмэску подружке Марине, получил ответ¹. Колокола зазвонили один за другим во всех храмах – может, маму пора уже забирать? Но, быстро охватив взглядом внушительный хвост, он увидел голубой воздушный шарф почти на том же месте.

– Ты рано пришел.

– Это ты долго стоишь.

Конечно, раз еще есть время, хорошо бы побродить по самому Сергиеву Посаду. В старинных городках Ника обычно привлекали улочки с древними одноэтажными и двухэтажными домишками, слепившимися друг с другом, вросшими в землю по самые окошки, – экскурсоводы говорят, что каждые сто лет нарастает один метр культурного слоя, и здания постепенно уходят в него. Интересно, как они смотрелись новенькими – наверное, заметно выше. Улочки эти так не похожи на их Белогорск, где или город с многоэтажными микрорайонами, или уж деревня с избушками. Но мама может сделать испуганное лицо и сказать, что сейчас начнется экскурсия, ради которой они приехали, и что он уже никуда не успеет. А сама теряет время в этом хвосте!

Вдруг Ника озарило.

– Мам, а я сейчас видел этих, из нашего города. Они в начале очереди – может, к ним подойти? Быстрее получится. Ну, те двое, еще в электричке с нами ехали, на автобус опоздали...

– Неудобно. Муж и жена молодые?

В последнем сын усомнился. То, что молодым Николай считал себя, а все, кто старше, были старыми, – понятно. Но его наблюдательность в который раз удивила Лену.

– А они разве муж и жена? У него кольцо есть, а у нее – нет, только на левой руке, и не обручальное. И потом, она его пилила всю дорогу, а он молчал. Муж бы ответил.

Лена даже растерялась. Она тоже не без глаз, но на кольца не посмотрела. Заметила только, как элегантно, хоть и по-дорожному, одета женщина и как ей идет фиолетовый цвет волос и короткая рваная стрижка – совсем молодо выглядит, лет на двадцать. А раньше она была рыжей и длинноволосой – пять лет назад, когда приглашала Лену посмотреть их сад. Ну, не сад, а так – участочек перед коттеджем. Ее Берестовский питомник как раз входил в моду, тогда она еще сама выезжала к заказчикам и многое делала своими руками...

---

¹ О Марине и Нике рассказывается в романе «Миражи счастья в маленьком городе».

– Да нет, конечно, они муж с женой. Я у них работала. Голубевы, кажется. Знаешь, бесплатную газету с рекламой в ящики кладут – это она выпускает. А он – тоже помню, руководитель одной из фирм в научном институте. Они, кажется, делают электронное оборудование для поездов и электричек. Раньше вагоны в Прибалтике выпускали, а теперь, когда связи порвались, пришлось самим налаживать производство, вот наши и заняли эту нишу...

– То-то он на электричку пялился, как на новые ворота, – фыркнул Ник. – Что ж они, если богатые и знаменитые, не в Турции или на Мальдивах? Да еще и на автобусе. Так мы к ним подойдем или так и будем тут сто лет торчать?

– Нет, все-таки неудобно, – ответила Лена сначала на последний вопрос. – Мне показалось, они не особо хотят общаться. Скорее даже, совсем не хотят. – А потом на оба первых: – Ну, и мы тоже на автобусе.

– Так это мы, – резонно заметил Ник.

Берестовы любили путешествовать и при любой возможности куда-нибудь вырывались. Хотя бы ближайшее Подмосковье ведь надо объехать, не говоря о Москве, – столько интересного прямо под носом. Жаль только, возможности выпадали не часто. С тех пор как Ленина фирма по озеленению и ландшафтным работам прочно встала на ноги, деньги были – не было времени. Лето при ее профессии – горячий сезон. Полноценный отпуск невозможен. А у Ника каникулы пропадают! Хорошо, удалось вырваться хоть на эти несколько дней. О Золотом кольце они давно мечтали. Пусть не полностью за один раз объехать, можно и по кусочкам – так даже лучше, города и впечатления не перепутаются в голове.

Берестовы давно определились – с группой ездить надежнее. Своим ходом тоже пробовали и решили, что не стоит тратить лишние деньги и, главное, время на поиски ночлега, нормальной еды и очереди в музеи. Заплатил наперед, погрузил себя в автобус – и отключился от всего, кроме собственных впечатлений. Экскурсоводы обычно попадались увлеченные, знающие – даже в пути время не терялось, удавалось узнать массу интересного. Иной раз и вздремнул бы, но поневоле слушаешь.

К тому же в дороге забывалось о мелочах, таких значимых и так отравляющих жизнь в четырех стенах. Кто за собой посуду не помыл, да кто забрызгал зеркало зубной пастой, да кто грязные носки кидает под кровать... Быт сворачивался до минимума – дорожной сумки, и оба одинаково становились путешественниками и искателями приключений. А с каким удовольствием вспоминались потом зимой подробности летних поездок!

Николай стремительно взрослел, и Лена не без грустинки ждала, что скоро он, как и положено, начнет от нее отдаляться, чтобы выстроить свое самостоятельное мужское «я», – и старалась сберечь эту их связующую ниточку, их ветер странствий.

А то, что мама чересчур долго торчит в музеях или в очередях за какой-нибудь святой водой, а сынок на каждом углу просит купить ему газировку, – это пустяки.

– Ну, потерпи пять минут, сейчас обед – там и попьем, и поедим. Вон уже, наверное, этот «Трактир» – мы правильно идем, как объясняли?

– Может, и он, но я до него не дойду. – Ник демонстративно уселся на обочину. – Я хочу газировки. А на обеде еще не знаю чего дадут. Может, чай горячий.

– Ты только что пил квас и фанту, по полтора литра. Больше нельзя, лопнешь.

– Тогда не фанту купим, а колу. Жарко же. И ларек ближе, чем «Трактир».

– Вставай, – терпеливо повторила Лена. – А то вон нищие на тебя смотрят. Подумают, что конкуренция, милостыню собрался просить.

– А колы все-таки купим. Маленькую бутылочку, – засмеялся сын и помчался к киоску.

Очереди в киоске не было, однако воду удалось купить не сразу: пожилая женщина, стоящая перед Берестовыми, никак не отходила от прилавка.

– У меня больше нет, возьмите назад что-нибудь, – повторяла она, а продавщица раздраженно твердила свое:

– Женщина, я уже чек пробила. Раньше надо было считать.

И диалог продолжался, только в те же слова вкладывалось всё больше злости и отчаяния. Причем злилась продавщица, а покупательница отчаянно, но неубедительно трясла перед ней пустым кошельком. Ей не хватало десяти рублей. Лена хотела было попросить свою колу без сдачи, потом внимательно посмотрела на женщину – и достала еще десятку.

– Вот нахалка, и спасибо не сказала, – прокомментировала продавщица, провожая почти убегающую покупательницу.

А Лена заметила позади себя Голубевых и сказала, словно оправдываясь:

– Я милостыню почему-то совсем не могу подавать. Мне кажется, что нищие – актеры. А тут человек по-настоящему нуждался...

– Потому она и не сказала ничего, от смущения, – ответила Ирина сдержанно-строгим голосом, явно предназначенным продавщице.

– А я один раз, давно еще, копил на журнал «Молоток», и мне не хватило двух копеек, – начал Ник. – И мне тоже одна женщина у киоска добавила.

– Пойдем, Николай, – заторопила мать. Нечего испытывать терпение необщительных земляков.

Но Ирина возмутилась:

– Тебе из-за двух копеек не давали журнал?!

– Не давали. И еще тетка в киоске злилась, что у меня тридцать рублей совсем мелкой мелочью.

– Что же продавцам – всё даром отдавать, что ли? – вскинулась продавщица, не выдержав сурового взгляда Ирины. – Мы, что ли, своим товаром торгуем? – Хотя с ней никто не разговаривал.

Елена увела сына, неожиданно огорчившись. Да, у них было несколько очень тяжелых лет, когда приходилось жить по-спартански, а на какие-нибудь ничтожные радости долго копить «совсем мелкой мелочью», но посторонним об этом знать не обязательно. Она и сама терпеть не может об этом вспоминать. Может, потому и тяжело видеть попрошайек – сама когда-то была близка к этому.

И надо было Нику вспомнить этот журнал!

Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда...

Н.В. Гоголь

Туристы с аппетитом закусывали в «Трактире» – столовке, оформленной под старину: деревянные стены, тряпичный Петрушка на печке, связка баранок на гвоздике, полотенца с петухами. Руководительница группы встречала своих у дверей и рассаживала за столики, двух-, трех- и четырехместные, с учетом пожеланий. Но когда появились Берестовы и Голубевы, выбора не осталось.

– Вот, пожалуйста, столик на четверых.

Пришлось вежливо уткнуться в дымящиеся горшочки с похлебкой, стараясь друг другу не мешать. Салат и первое были съедены совершенно молча. Но когда официанты замелькали с жареными курами на подносах, раздался возглас:

– Шары летят! – И все головы повернулись к окошкам.

Большие воздушные шары летели низко, медленно, словно напоказ. Красный и синий, один за другим. Все начали обсуждать траекторию их полета, и не собираются ли они сесть, и что будет, если это произойдет посреди города, а вдруг они зацепятся за колокольню? Больше всех оживились Ник и Роман, оба побросали вилки и порывались подбежать к другому окну, где лучше было видно.

Тем временем заработали газовые горелки, и шары начали набирать высоту. Лена ужаснулась – не опасно ли открытое пламя экипажу, и Роман принялся увлеченно объяснять устройство тепловых аэростатов. По его словам выходило, что лететь в километре от земли со скоростью ветра – сплошное удовольствие и никакого риска, даже если вдруг начнешь вот так стремительно снижаться. Вверху можно потрогать облака, внизу – сорвать шишку с макушки ели, везде просто чудесно.

– А как лицо обгорело, забыл? – напомнила Ирина.

На международную встречу воздухоплателей в Великие Луки ее привезли приятели, а закопченный у горелки Роман спустился на землю и подарил ей ту самую шишку с макушки. Она влюбилась в небесного кочегара и не поверила глазам, увидев потом Ромочку отутюженного – такого, какого видят все, от соседей до подчиненных.

Ник тоже не сразу понял, что эта флегма могла летать, зато потом не сводил с Романа загоревшихся глаз и уже к концу обеда знал, что воздухоплавание включено в реестр официальных видов спорта, что их новый знакомый несколько раз участвовал в чемпионате России, что двадцать первого ноября отмечается День Монгольфье, когда поется специальный гимн, – и множество других воздухоплавательных сведений.

Вопросы, которые сразу посыпались из Ника, следовало облечь в вежливую форму – и земляки после небольшой паузы запоздало назвали свои имена, упомянув, что взрослые уже знакомы. А Роман сразу предупредил со своей юмористической искрой в глазах, что называть его следует – Роман, без всяких отчеств, приставку же «дядя» он вообще терпеть не может.

– А я терпеть не могу никаких «теть», – добавила Ирина, – я, стало быть, Ирина. Сколько же я страдала вместе с моими учениками в музыкальной школе, когда они ломали язык: Ирина Владимировна...

Николаю не могло не польстить такое общение, практически на равных, с человеком, который вполне мог бы задрать нос и не опускать его до конца поездки – что вроде бы сначала и намечалось. Он всё больше попадал под обаяние Романа, внешне такого холодно-отстраненного, и незаметно переставал исследовать его своим обычным придиричьим взглядом. И на маму, видимо, Голубев произвел впечатление – хотя сначала Лене невольно вспомнились такие персонажи, как Незнайка, летящий на воздушном шаре из сока одуванчика, и Филеас Фогг, спешащий вокруг света.

– Необычный вид спорта вы выбрали, – заметила она.

– Это не из-за экзотики, – отвечал Роман, и обоим Берестовым показалось симпатичным, что он не отшутился, не отделался отговоркой, а начал обстоятельно объяснять: – Я спортом никогда особенно не увлекался. Традиционные виды – бег, прыжки – всегда, знаете, казались какими-то вымученными, отмирающими. Ведь есть же предел человеческих возможностей.

Счет идет уже на миллиметры, на сотые доли секунды, но и они когда-то будут исчерпаны. Делать из себя механизм для выжимания сотых долей? А красота? А свобода? И я долго искал спорт для души.

– Спорт – для души? – с недоумением повторил Ник – эти понятия казались ему несовместимыми.

– Конечно, – серьезно подтвердил Роман. – Любое занятие, которому я отдаю часть себя, должно и мне что-то давать. От спорта мне было нужно чувство преодоления и свободы.

– Николай всегда любил гонять в футбол, – пояснила Лена.

– Ну, футбол еще не скоро отомрет, – успокоил Роман, – он практически вечен.

– Смотрите, еще летят! Какие красавцы.

Теперь появились необычные шары: в виде колокола, потом в виде коровы – этот вызвал всеобщее веселье и шуточки. Но Роман восхитился другим шаром, в форме дирижабля.

– Дирижабли, по его мнению, – транспорт будущего, – пояснила Ирина.

Нику же эти неповоротливые туши всегда казались допотопными, но Роман, уловив во взгляде нового знакомого сомнение, мигом его развеял, разложив по полочкам: дирижабли выгоднее самолетов по расходу горючего, экологичнее, безопаснее, могут поднять целый железнодорожный состав. И взрывчатым водородом их давно уже не наполняют, а в МАИ для обшивки придумали материал, который совершенно не горит.

«Мечтает о дирижаблях, а возится с электричками», – всё же отметил Ник критической стороной сознания, но вслух не сказал, потому что уже полностью был покорен Романом и автоматически зачислил себя в фанаты дирижаблестроения.

Разговор выходил такой непринужденный, что Лена с облегчением поняла: земляки – нормальные. И, как дома, переложил сыну на тарелку куриную кожу, справившись:

– Ничего? А то я кожу не ем, а Николай любит...

– Да-да, конечно, – обрадовалась Ирина, тут же перекладывая кожу со своей тарелки Роману. – И я ее не ем.

Когда они выходили из «Трактира», официант окликнул:

– Вы забыли, – и протянул книжку.

– Это не наше, – одновременно ответили Берестовы и Голубевы, повертев в руках «Энциклопедию мудрости» – сборник афоризмов. Книжка была новая, толстая, в хорошем твердом переплете.

– Ваша, – настаивал официант. – Лежала на вашем столике.

– Может, из нашей группы кто-то оставил? – усомнилась Лена. – Давайте спросим в автобусе.

Сергиев Посад – Владимир

*Наша жизнь – путешествие, идея – путеводитель.
Нет путеводителя, и все остановилось. Цель утрачена, и сил как
не бывало.*

В. Гюго

Но хозяин не откликнулся, а автобус уже ехал. Ночевать им предстояло во Владимире. Сергиев Посад остался позади.

– Как же теперь? – смутилась Лена. – Увезли чужую книжку. Наверняка ее кто-то потерял, не могли же просто бросить. Это не журнал, не газета, не покет. Довольно дорогая книга.

– А может, она не чужая, – откликнулся Ник. – Может, это буккроссинг?

Роман вопросительно поднял бровь, Ирина объяснила:

– Движение такое – оставляют книжки в общественных местах, в транспорте, чтобы их как можно больше народу прочитало. Но это в основном за границей. Неужели и до нас добрались? Но тогда где-то должна быть специальная отметка, типа «прочти и передай другому».

– Отметки нет, – обследовав книгу, сказал Ник. – Но тут, похоже, несколько страниц вылетело.

А Роман сморщился с видом истинного чистоплюя:

– У нас – это ерунда. Наши общественные места, наш транспорт! Да нормальные люди побрезгуют подбирать. Я бы ни за что не взял в руки, даже если что-то интересное.

– Взял уже, – отозвалась Ирина. – Хотя для буккроссинга странновато – справочная литература...

– Есть! Есть надписи, – воскликнул Ник, показывая на последнюю страницу. – Только непонятное что-то.

Полстраницы было испещрено какими-то значками. Все по очереди попытались их разобрать, но не смогли.

– Шпионская переписка, – заключил Роман полушутя-полусерьезно. – Надо избавляться. Во Владимире мы где-нибудь ее оставим, а пока, кто хочет, можете почитать. Развеемся.

– Развеемся – с энциклопедией? – воззрилась на него Ирина. – Я поинтереснее чтение взяла. А сейчас лучше музыку послушаю. – И достала из сумочки плеер.

– А я в пути люблю смотреть в окно, – отказалась и Лена.

– Я возьму. – Ник пожалел книжку. – Смотрите, тут есть раздел «Путешествия» – это про нас. – И прочел: – *«В чужой стране путешественник – мешок с деньгами, который все норвежцы поскорее опорожняют. Виктор Мари Гюго».* Это он про сувениры?

– И про них, – подтвердил Роман. – Что ж, мы в своей стране.

– А чья идея? – незамедлительно откликнулась его жена.

Ник озвучил еще:

– *«Доверяйте жизни. Куда бы ни забросила вас судьба, путешествие необходимо. Вам предстоит пересечь поле жизненного опыта и самим проверить, где истина, а где ложь. И тогда вы сможете вернуться к своему внутреннему центру – душе, очистившейся и помудревшей. Луиза Хей».* А это кто?

– Читал бы книжки полезных советов, как жить умно и правильно, – не задавал бы вопросов, – отозвалась мать.

– Еще чего. Ты сама их не читаешь, – парировал сын. – Только свои дизайнерские журналы бесконечные.

– Зато мои сотрудницы читают взахлеб, – сослалась Лена на надежный источник.

Ирина в наушниках, отключившись от разговора, прикрыла глаза.

– И вы музыку слушаете? – Ник понизил голос и посмотрел на еще один плеер, высунувшийся из кармана Романовой ветровки.

Воздухоплаватель, руководитель научного предприятия смутился. Потом объяснил, косясь на Елену:

– Всю жизнь оправдываюсь. Жена – музыкантша. А я музыку, конечно, люблю, но, если слушаю, она потом всю ночь может в голове звучать, даже сквозь сон – не отпускает. Так почему-то действует. А утром на работу, там нужна свежая голова. Так что я стараюсь особенно не увлекаться. А слушаю – книжки, в основном беллетристику. Читать некогда, вот Ира и придумала... Она-то все эти «Дозоры» давным-давно прочла, а я «Дневной» никак не добыю. А есть еще куча каких-то, и скоро, говорят, еще один выйдет – просто не угнаться.

– Класс! Аудиокнига, – восхитился Ник. У нового знакомого всё было наособицу, даже чтение. – А мне мама вслух читает.

Теперь начала оправдываться Лена – многие знакомые, узнав, что она по вечерам читает сыну, начинали хохотать: «Такой взрослый парень! Самому пора».

– Да, у нас аудиокнига – это я. Мы любим почитать что-нибудь вместе, когда по телевизору нечего смотреть. Конечно, Николай и сам читает – то, что хочет, но ведь еще столько всего, и по программе, и вообще. А для меня какое удовольствие! Я Гоголя вместе с ним перечитала, Тургенева, «Войну и мир». Знаете, совсем иначе воспринимается! Эти книги обычно попадают к нам в школьном возрасте, а ведь писались они для взрослых людей. А еще наше любимое, нашего поколения – «Два капитана», «Три мушкетера», Жюль Верн – современные дети их не воспринимают почему-то. А так хочется, чтобы сын любил то же, что и я, чтобы у нас была общая сигнальная система, что ли. И вот мы попробовали вместе почитать – ему понравилось.

– Ничего себе, – подтвердил Ник.

– Всё правильно, – решительно согласилась Ирина – оказалось, она их внимательно слушала. – Вы молодец. Чем вечно ныть, что дети не читают, взрослые лучше хоть одну книжку открыли бы и прочитали с ними вместе! А бегать с призывами и с палкой бесполезно. Я в музыкальной школе начинала работать и сразу поняла, что бессмысленно вколачивать любовь – хоть к литературе, хоть к музыке. Когда увидела, что больше половины учеников пришли из-под палки – родители что-то хотят, а они ничего, – растерялась: мне-то что делать? Дети терпят, страдают, и еще я буду экзекутором, а музыка – способом экзекуции? Ведь это же музыка, она не для этого! Не смогла, ушла, а в промежутке старалась только, чтобы дети больше слушали хороших вещей – те, у кого искра в глазах, кому хотелось слушать. Сама играла, записи приносила... Если бы на уроках литературы вместо нудных разборов просто вслух читали саму литературу – намного больше пользы было бы.

– Ир, а тебя любили твои дети, мне кажется, – сдержанно заметил Роман. – Некоторые до сих пор здороваются.

– Да я их просто не мучила – ученики всегда это помнят, – отмахнулась Ирина и снова надела наушники.

Лене была приятна ее похвала – настоящая, не комплимент из вежливости. Ирина Голубева еще по той единственной встрече запомнилась своей прямолинейностью. На Ленин вопрос, каким бы хозяева хотели видеть свой садик, ответила: «Чтобы он требовал как можно меньше ухода. Я не люблю возиться в земле». Обычно заказчики пытались тому же самому придать обтекаемо-вежливую форму, заверяя, что очень любят потрудиться на свежем воздухе, да вот совсем нет времени, на работе так загружены – в то время как Лене важно было четко знать, что именно выбрать для посадки, не пойдет ли завтра же прахом ее труд, когда роскошные клумбы умрут без элементарного полива.

Ник углубился в мудрость веков, но скоро отвлекся и, провожая взглядом машины, обгоняющие их автобус, вполголоса начал читать на номерах:

– МУ. УМ.

– АМ, – подключился сзади Роман.

УХ.

– КХ.

– ХМ.

– ХР.

Это был серьезный диалог, смех дрожал в голосе, но не прорывался. Развлечение невольно пресекла Ирина, взглянув на мужа, – он сразу замолчал, привычно напустив на лицо отстраненно-ироническое выражение.

И сразу в ушах зажурчал ручеек путевой информации. Некоторые туристы, вроде Лены, даже записывали что-то в блокнот, кто-то слушал вполуха, предпочитая собственную болтовню, а кто-то крепко спал, утомившись после экскурсий по лавре. Роман по инерции смотрел в окно. Под вечер дороги загружены, то и дело возникают пробки, и остается только с досадой наблюдать, как юркие легковушки одна за другой обгоняют их неповоротливый автобус.

Ну почему нельзя было дождаться, пока отремонтируют его машину? Поехали бы по-человечески, если уж Ире так понадобилась эта старина, сами бы выбирали маршрут, импровизировали, делали остановки, где пожелают. Нет – изволь теперь ходить строем, ориентируясь на чей-нибудь зеленый зонтик или красные штаны, чтобы не отбиться от группы! Терпи рядом с собой сорок человек и несмолкаемый голос экскурсовода! Всё это дурость по большому счету. Можно было выбрать хотя бы теплоход, что ли – комфорт, шезлонги на палубе, лениво проплывающие берега... Но он же решил относиться к этой поездке стоически и терпеливо, как к любой Ирочкиной выдумке.

Когда он увидел ее первый раз, то сразу понял, что смотрит в глаза своей судьбы – такие серьезные, требовательные. Потому, должно быть, и смешался, и плохо соображал, и вручил глупую шишку – то есть всего себя и всё, что у него в тот момент было, – но она это так и поняла. И продолжала смущать своей пронизательностью и еще тем, что всегда оказывалась на высоте. Ее привезли с собой знакомые из Белогорска, и о чем бы они тогда в компании ни заговорили, о новой книжке – Ира ее уже прочитала, о новом фильме – она его уже видела. Причем это не действовало на нервы, а обезоруживало, заставляя внутренне собраться и построить планы – быстренько догнать, но она опять обгоняла, и Роман постоянно ощущал себя спешащим – главное, чтобы она не убежала совсем, чтобы ее не увезли так же неожиданно, как привезли.

Ведь она не играла в эти догонялки – Ира никогда ничего не делала напоказ, ее темп жизни был для нее естественным, и этот темп должны были поддерживать новые впечатления, идеи, встречи. Если волосы у нее зеленые, а ногти – синие, то это не для публики – ей самой нужны радикальные перемены. Если она появляется на грязной, еще не замощенной Научной улице в резиновых сапожках, расписанных цветами и птицами, в то время как соседки, жены его коллег, упорно тонут в глине в своих туфельках, лишь бы не поступиться интеллигентностью – это опять же не в пику им, просто ее привлек новый писк моды.

Роман привык к тому, что, где бы они ни появлялись, его жена притягивала всеобщее внимание, – и потихоньку этим гордился. Ира всегда выглядела экстравагантно, но никогда – вульгарно, и смелые наряды, которые на других смотрелись бы вызывающе, умела носить убедительно, утвердительно, с достоинством. И прочие дамы, предварительно с сарказмом обсудив ее новшества, вскоре появлялись с сумочками и прическами, подозрительно перекликающимися с авангардным стилем соседки.

– Для вдохновения, – поясняла Ирина, приходя домой с рыжими кудрями, – а то я уже сама себе надоела.

И Роман спохватывался, как бы и он вдруг ей не надоел – при том, что самооценка у него была довольно высокой: жизнь складывалась, старые друзья не забывали, новые уважали за

удачливость, за скорый карьерный рост. В глубине души Роман считал, что он хорош на своем месте, но по сравнению с Ирой, в сущности, заурядный человек, а такую жену просто выиграл в лотерею. Горящий в ней огонек вдохновения бросал и на него свой отблеск, и согревал, и постоянно манил за собой – и он без него себя уже не представлял.

Для вдохновения был и вьющийся дикий виноград, два кустика которого Ирина воткнула по обе стороны крыльца, когда они только переехали, с оговоркой, что она не садовод и больше на участке ничего делать не будет, – и рука у нее была такая легкая, что теперь весь дом, до трубы, утонул в роскошной зеленой шубе – и Роман очень любил этот виноград, в отличие от всяких изысков, устроенных потом дизайнером, – не в обиду Лене Берестовой.

Для вдохновения был и стеклянный душ в гостиной, который при ближайшем рассмотрении оказывался светильником из стеклянных сосуллек, и другие оригинальные мелочи, которыми его жена украшала дом. Роман гордился тем, что их знакомые, задумав купить что-нибудь своеобразное и стильное, говорили: надо посоветоваться с Ирой Голубевой – тогда точно не промахнемся.

Для вдохновения были и их выезды на концерты и выставки. Когда они последний раз возвращались из Дома музыки, где группа привозных солистов исполняла Баха просто головами, а капелла, да еще в джазовой хулиганской манере, Роман осторожно поинтересовался, действительно ли ей понравилось. И видел, как Ирина очень старается донести до него что-то важное, а глаза у нее в самой глубине непривычно грустные.

– Этот свингующий Бах? Да тут дело не в манере – они как раз очень тонко чувствуют барокко... Думаешь, я классикой объелась и теперь ищу аттракционы? Я к своей, внутренней музыке пытаюсь прислушаться – и ничего не понимаю.

Роман знал, что она постоянно слышит мелодии, только они не поселяются назойливо в голове, как у него, мешая спать, а возникают спонтанно, откликами на события, и всегда по разным поводам – разные.

– У меня все реакции последнее время такие предсказуемые, – продолжала Ирина, и было видно, что эта предсказуемость доставляет ей такой же дискомфорт, как головная боль. – Если происходит что-то радостное, сороковая симфония Моцарта начинает играть, как на мобильном телефоне. Если тревожное – автоматически включается Шостакович. Просто задумаюсь – Вивальди выползает, тоже на автомате. Все мелодии такие заезженные! Понимаешь, жизнь каждый день новая, а я реагирую избитыми эмоциями в виде какой-то «Золотой серии» классических хитов. Почему?! Что со мной? Почему я исхожу эмоциональными штампами? Что не так?

Роман не мог ответить – он не знал. Но «сухую грусть на дне очей» видеть было непривычно и тревожно, ее невесть откуда взявшаяся душевная неустроенность автоматически перетекала и в него, как в сообщающихся сосудах. И на работе всё вдруг начало стопориться – вдохновение рождалось и жило в Ирине, но было их общим. Первое, что приходило в голову, – Ирочка устала, она сейчас много работает, рекламодатели и правдоискатели ее совсем задержали. Газета – не игрушка, а большая ответственность и постоянное большое напряжение.

И если ей нужно разнообразие, новые впечатления, этот автобус, если она именно об этом мечтала, если от этого в ней зазвучит новая музыка – пожалуйста. Причуда ничем не чуднее ее собачьей гостиницы. Он готов потерпеть автобус, шут с ним. Тем более что и трясет не очень, и старина начинает действовать своим обаянием, и мальчишка попался интересный – Николай, по-молодежному Ник, отвлек его. И накормили сносно.

Вот только какая еще попадется гостиница?

Владимир

Да я это... гулял, гулял...
Мультфильм «Жил-был пес»

Оставив позади захватывающий дух пейзаж с Успенским собором на круче, автобус немного отъехал от города и остановился. Лена взглянула в окно. Достоинства архитектуры в ее представлении всегда зависели от красоты деревьев, растущих рядом. Родной дом в Белогорске, где она жила с самого детства, делали неповторимым легкие, одухотворенные ветви кленов. Их загородный дом, который пришлось продать, когда умер отец, всегда был улыбочивым, праздничным, окруженный сиренью всевозможных цветов и оттенков и цепочкой барбариса и черноплодной рябины, листья которых осенью бывают ярко-красными.

Типовое четырехэтажное здание гостиницы было очень красивым – оно стояло в густом сосновом парке, хранящем покой.

Ник выскочил первым и побежал обследовать прогулочные дорожки, ведущие в аппетитную, душистую чащобу. А Лена встала в очередь у багажного отделения.

– Позвольте вам помочь?

Ей улыбался мужчина из их группы. При переключке его назвали Чупаненко, что вызвало у Ника бурю веселья, которое он сам же пытался душить, чтобы никто не услышал. Зашептал матери на ухо: «Чупакабра». Кажется, это монстр из «Секретных материалов». Но когда одного за другим назвали Коробейника, Жулько, Пекаря и Страховитовых, придушенное веселье продолжилось.

Чупакабра путешествовал один и за обедом безуспешно пытался пристроиться к разным столикам, пока его не забрала к себе немолодая руководительница группы. Лена еще удивилась мимоходом: одинокий мужчина на экскурсии – диковина, уж на что они часто ездят, а такое явление видят впервые. Как это его занесло? Обычно в сборные культпоходы отправляются семьи, мамы с детьми, пенсионеры, подруги, мечтающие повстречать вот таких чупакабр.

– Эта сумка ваша?

С дружелюбной улыбкой попутчик потянулся к берестовской сумке, но Ник, выросший из-под земли, довольно резко ее перехватил и без всяких слов потащил к крыльцу гостиницы.

– Спасибо, – ответила Лена обескураженному помощнику – не столько приветливо, сколько вежливо. – Мы никогда не берем вещей больше, чем можем донести сами. – И поспешила за сыном.

– Они и правда муж и жена, – прошептал ей Ник, когда она заполняла гостиничную анкету, а он слонялся по холлу среди прочих заполняющих. – Голубевы. Я в их паспорта заглянул незаметно.

– Николай, не мешай – я же собьюсь, и придется с начала начинать всю писанину.

Ник независимо отошел, но, кажется, надулся.

Наконец они добрались до своего номера. У Лены было одно желание: в душ и в постель. На работе она привыкла весь день проводить на ногах и считала себя выносливой – но беготня по экскурсиям свалит любого. Однако сын, осмотрев комнату и рассеянно пощелкав пультом телевизора, заявил:

– Ну, я пошел. По городу погуляю.

– Куда? Чего? – не поняла Елена, проверявшая в ванной наличие полотенец.

– Гулять по городу. Не сидеть же здесь весь вечер! Дай ключ, чтобы мне тебя не будить, когда вернусь. Или пойдем вместе, если хочешь.

Лена не сомневалась, что это хохма – правда, неудачная. Встали сегодня в половине пятого, весь день на ногах, а завтра опять трястись в автобусе и ходить с утра до вечера, и

послезавтра, и послепослезавтра. Ник, опытный путешественник, не хуже ее знал, что энергию в дороге надо экономить, экономить надо даже шаги, чтобы не выбиться из сил раньше времени. У них давно уже была выработана стратегия, которая никогда не подводила, включающая и крепкий сон – только сон безотказно восстанавливает и силы, и свежесть восприятия. Короче, в душ – и спать.

– Еще чего, – вспыхнул Ник. – Что я, маленький? Я не буду спать всю ночь. Не хочешь со мной – я один пойду!

– Да мы же завтра весь день только и будем ходить по Владимиру, – попыталась урезонить Лена.

– Ну и что! Это экскурсии, – кричал сын. – Так опять ничего не увидишь! А я хочу походить сам, куда я хочу!

– Так нам завтра свободное время дадут – и походишь.

– Короче, не даешь ключ? Я и без ключа уйду!

И выбежал, хлопнув дверью.

Всё произошло так внезапно, что Лена растерялась. Что с ним? Кто его укусил? Так замечательно, так мирно ехали, все было как обычно, ничто не предвещало психоза. Главное – эта непонятная, неприкрытая злоба в глазах и в голосе, направленная прямо на нее! Никакой вечерний Владимир тут, кажется, ни при чем – он явно хотел ее обидеть и сделать что-то назло – не важно, что именно.

Лена выглянула в пустой коридор, закрыла дверь. Опустилась на диван. И что теперь – бежать на поиски? А куда? Гостиница за городом, в центр, говорили, идет какой-то рейсовый автобус – где искать этот автобус? Можно, конечно, взять такси, но приедешь во Владимир – и что дальше? Бегать по всем улицам сразу, крича и размахивая руками?

Надо было срочно что-то делать, но Лена не знала, что правильнее. Призвать на помощь руководительницу группы? Вот позор. Схватила за мобильник – естественно, не отвечает. Сразу в милицию звонить – подросток где-то один, в незнакомом городе, впереди – ночь?

Конечно, Николай всегда был чересчур независимым ребенком, ни на кого в этом плане не похожим. Даже когда его просто за руку вели, терпеть не мог – маленький, трехлетний! Выдергивал ручку и с сердитым достоинством шагал рядом, отдельно. А в пять лет уже убегал, не дожившись, через весь город, пока она дома готовила обед, наивно думая, что сынок играет во дворе, в песочнице, с другими ребятами. Знакомые потом рассказывали, что видели его на рынке, где он с самостоятельным видом прохаживался по игрушечным рядам. Игрушек, что ли, в доме не хватало? Лена тогда донашивала старье, но на игрушках не экономила, покупала и трансформеры, и конструкторы. И никогда не ругала его за самовольство, вообще не заостряла внимания – одни дети такие, а этот – вот такой. Может, зря?

А в третьем классе он запретил называть себя зайчиком, терпеливо повторяя: «Я не заяц». И другими ласковыми именами – тоже. И вообще всегда требовал называть себя полным именем, категорически не признавая никаких Колюнчиков и Николушек. Ее, наверное, считают суровой матерью, слыша исключительно официальное «Николай».

Возможно, весь этот шум-гам – просто развитие темы? Продолжает независимость проявлять? И ничего с ним особенного не случится – побегадет и вернется, а она только поднимет напрасную панику?

Но она же, зная об этой его суперсамостоятельности, и так старалась никогда ее не подавлять, не стеснять его, особенно мелочно и по пустякам! Он всегда гулял после школы, где и сколько хотел, с условием, что уроки будут сделаны и сам он будет дома не позже десяти. Никогда не было ограничений и запретов – с кем дружить, куда ходить. Лена знала, что он бывает в пригороде, где местные мальчишки постоянно дерутся с ребятами из центра, – но и этого не запрещала! Как же мужчина может вырасти без возможности попетушиться?

В последнее время стало заметно, что он завел себе подружку, но она ни разу не приставала с бестактными расспросами. И сейчас, когда он всю дорогу строчит одну эсэмэску за другой, делает вид, что не замечает: захочет – сам расскажет.

Не всякая мать дает ребенку такую волю! Может, все-таки зря, если он не оценил, а, наоборот, выдал вот такое? Наверное, она все-таки всегда проявляла беспомощное слабование.

Ведь ему почти пятнадцать. Должно быть уже понимание! Растись ребенка, ждешь терпеливо, что появятся сознательность, ответственность – напрасно, выходит? Взрослость и самостоятельность, значит, только в том, чтобы ни с кем и ни с чем не считаться?

Ну и отдых начался! Приехали...

Лена так и не могла решить, что же делать, а стрелка уже пробежала полчаса.

Дверь номера, незапертая, хлопнула. Появился Ник.

– Я по парку прошелся, – сообщил он, не глядя на мать. – Такой интересный парк – одни сосны, как наш лес у озера. Только правильный, все рядочками... Там еще был киоск. Я купил воды и чипсы. Будешь?

Обессиленная Елена жестом отказалась и рухнула без слов в свою постель, не в состоянии требовать ни объяснений, ни извинений.

Владимир – Боголюбово

Мы все инстинктивно боимся цели. Многие из нас предпочли бы находиться в пути всю жизнь, так и не добравшись до места назначения. Мы судорожно хватаемся за средства и часто забываем о цели.

Э. Хоффер

Ливень хлынул во время обеда. Было так приятно сидеть в кафе, смотреть через окно на водяные потоки, надеяться, что ненужная жара теперь спадет, и уже не завидовать другой, обедающей во дворе, группе. Но пришло время возвращаться в автобус, а ливень не утихал, зонты же у всех, как обычно бывает, остались в автобусе.

Услышав, что до храма Покрова на Нерли надо идти минут пятнадцать по исторической дорожке среди луга, которую принципиально не разрешается ни замостить, ни заасфальтировать, Ирина приуныла. Дожди обещали местами и к вечеру, а день – ясный, и она надела легкие сабо, в которых на раскисшей дорожке, конечно, сразу увязнет. Ливень перешел в противный сеющий дождик – так моросить он может хоть всю жизнь. Но неужели из-за такой нелепости она не сможет пойти к чудесной белой церкви, которую видела только на фотографиях?!

До самого Боголюбова Ирина еще на что-то надеялась. А Ромочка не удержался от мягкого, но нудного попрека всё на ту же тему:

– Вот видишь, а ехали бы своим ходом – достали бы сейчас кроссовки из багажника, и всё.

Но он прав, конечно, – переться по мокрому лугу, а потом заболеть было бы еще глупее. Хотя сам Роман, к Ириному недоумению, оставаться в автобусе не собирался – наоборот, воодушевленно доставал их огромный зонт, переговариваясь с мальчишкой. Он и не собирался составить ей компанию!

– Ничего, вот Лена тоже не угадала с обувью и тоже остается.

Но Ирина не обрадовалась, что у нее есть товарищ по несчастью, и промолчала. Земляки снова начали ее раздражать. Вчера, когда они вдруг оказались такими приятными, тактичными людьми, она радовалась этому, словно сюрпризу, а еще больше – тому, что Ромочка стал на редкость приветливым и общительным – настоящим. Исчезла ироничная закрытость, за которую он всегда прячется, – словно маска свалилась с живого лица. Вопреки собственным прогнозам, он был явно доволен поездкой.

Но сегодня – нет, Берестовы вели себя всё так же дружелюбно и тактично – но Рома! Рома ее удивил, неожиданно сделавшись еще общительнее, – и постепенно довел до точки кипения. Она оторопело наблюдала, как в броуновском движении экскурсионной толпы, перемещаясь от экспоната к экспонату, ее муж и мальчик Берестов постоянно сталкиваются, переглядываются, обмениваются репликами – причем к обоюдному удовольствию.

Вот они опять хохочут в автобусе, заметив вывеску «Лучший кофе на дороге», мальчишка продолжает: «Отхлебнешь – протянешь ноги», а Ромка поворачивается к ней, предлагая использовать их творческий потенциал для сочинения рекламных слоганов. Вот снова хохочут, как дураки, стоя у знаменитых Золотых ворот, в которых когда-то застряла Екатерина Великая: вереница свадебных машин трижды объезжает памятник старины и трижды начинает бешено гудеть, стоит только их гиду открыть рот. Очень смешно, ничего не скажешь! Вот вместе считают ступеньки, поднимаясь в надвратную церковь...

С книжкой еще устроили клоунату. Сначала оставили вчерашнюю энциклопедию мудрости на скамейке в парке, у Соборной площади. Тут же за ними погнались две туристки, старушки-подружки, размахивая томиком, и сотворили добро – вернули забытую вещь. Потом в Дмитриевском соборе, пока все глядели, как зачарованные, на дивную каменную резьбу, эти

двое втихаря «забыли» свои афоризмы внутри, на витрине с экспонатами – и уже чужой экскурсовод, надрываясь, гнался за ними.

– И как они догадываются? – искренне удивлялся Роман. – Что эта книжка наша?

– Да по вашим преступным физиономиям, – шипела Ирина, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. Она сердилась, что Елена не делает замечания своему мальчишке, одновременно понимая, что останавливать надо того, кто старше, – а значит, виновата она. – Прекрати сейчас же. Нашел развлечение.

– Так мы и хотим прекратить и избавиться от этой книженции. Мы же не виноваты, что она бегаёт за нами, как собачонка, – разводил руками Роман.

Мы?!

А теперь с кучкой других отважных путешественников собираются пуститься вплавь по грязище и мокрой траве. Ее обществу он предпочел компанию чужого мальчишки! И ради этого она ехала так далеко?!

А Лена Берестова и на это не реагирует. Хороша мамаша – отпускает сына под дождь. Заодно Ирина раздраженно отметила, что Николай в той же майке, что и вчера, – маменька, со всех сторон внимательная, не позаботилась сменить. Ладно еще, затихла и не лезет с разговорами. Другие попутчики, тоже решившие остаться в автобусе, прикорнули в мягких креслах. Но Ирина никак не могла успокоиться.

Ну, Ромка! Нашел товарища! Что за причуды?

Неужели опять то же самое? Неужели пробуждаются так называемые отцовские чувства?

Последнее время друзья и родные словно сговорились прозрачно намекать, что им пора обзавестись потомством. При любом подходящем и неподходящем случае. Как будто они сами не способны определить, что именно им нужно, когда и в какой последовательности. Конечно, что за семья без детей. Но не спешить же с этим, как на пожар!

Ира Голубева шокировала знакомых, говоря, что как все смиряются с неизбежностью смерти, потому что надеются – она придет не скоро, а когда-нибудь потом, так и она смирилась с необходимостью кого-нибудь родить – и умереть для собственной, настоящей жизни и начать жить маленькой домашней жизнью для детей. Но тоже потом, попозже. Эти слова все воспринимали как ее обычное оригинальничанье.

Но она в самом деле боится и всегда боялась детей! Этот долг нависает над ней, как грозная туча, как сизифов камень, неподъемный, давящий. Но есть ведь и другой долг – ее начатое дело, которое только-только наладилось.

После бессмысленной траты времени в музыкалке Ирина настойчиво пыталась куда-то приспособить себя и свои способности. Не из-за денег, с голоду она не умирала, муж легко мог ее прокормить. Но она вышла за него не для прокорма! Обставить дом, организовать быт – так, чтобы его было как можно меньше видно, – это, конечно, занятие приятное, но жизнь этим не заполнишь.

Какие есть варианты для неглупой молодой женщины с высшим образованием? Идти в помощницы руководителя к кому-нибудь из Роминых знакомых? В один из отделов местной администрации, как предлагали родители, – носить наряды, болтать с такими же барышнями? Числиться для стажа в чьей-нибудь фирме, появляясь там время от времени? Но так хотелось найти что-то не для галочки.

Ирине нужно было Свое Дело. Настоящее, в которое не жаль вложить душу. И обязательно свое, чтобы хорошие идеи не уродовались непониманием какого-нибудь руководства. Она постаралась отключиться от эмоций и подойти к выбору рассудительно, взвешенно. Какую нишу можно занять? Чего не хватает в Белогорске? Магазинов полно, салоны красоты – на каждом углу, даже интернет-кафе уже несколько, ателье – она неплохо разбирается в модах – не особенно процветают, больше работают на поток для московских магазинов.

Подказала сама жизнь, когда им надо было ненадолго уехать, а пристроить эрдельтерьера Джерри оказалось некуда: родители тоже были в отъезде, а у друзей болели дети. И эта проблема вставала не только перед Голубевыми, особенно летом, во время отпусков. В Белогорске не было собачье-кошачьей гостиницы! Отличная идея, вот только воплощение уперлось в бесконечные бюрократические барьеры, в запреты санэпидемнадзора, сложности с арендой и некорректность клиентов – находились такие, кто использовал ее «Ковчег», чтобы избавиться от надоевших питомцев.

Удивительно, но провал собачьей гостиницы несколько не обескуражил Ирину и не поколебал ее уверенность в себе. Любовь к четвероногим – это еще не вся она! Ее так много! Она столько умеет и знает! И ее музыкальное образование не должно лежать мертвым грузом.

Интеллигентное население города, как правило, не пропускало ни одного концерта или спектакля, если приезжали артисты с гастрольями. Но культурная жизнь в Белогорске была все-таки вялой, к тому же в провинцию везли попсу, цирк или смехачей, так что спрос явно превышал предложение. Зимой податься и вовсе было некуда, и за культурой привычно отправлялись в Москву – те, кто мог себе это позволить. У них с Ромой это называлось «поехать на свежий воздух». В который раз посетовав на это в разговоре с бывшими коллегами, Ирина воспламенилась новой идеей: городу нужна своя филармония. Да-да, и это вполне реально.

Среди ее знакомых столько сильных музыкантов: вокалисты, пианисты, скрипачи, даже композиторы. Окончили престижные музыкальные вузы – Гнесинку, консерваторию, академию Шнитке, а теперь или перебиваются случайными заработками в столице, или преподают всё в той же музыкалке, или ведут за гроши самодеятельные коллективы в ДК. Все они были бы просто счастливы участвовать в концертах. И есть еще студенты, приезжающие из Москвы на выходные.

Ира с друзьями просчитали всё тщательно: аудитория – отдыхающие местных санаториев и пансионатов, которых пруд пруди, городская публика, школы, институт. Они даже набросали несколько просветительских программ для детишек. Всё было продумано!

Но первые концерты показали несостоятельность замысла. Городские меломаны оказались не готовы платить за билеты даже самую скромную цену – обнищавшие интеллигенты готовно шли во Дворец культуры на бесплатные концерты – Рождественский, Пасхальный, ко Дню музыки и Дню Победы, – а вот на платные... Учащиеся тоже не бросались покупать абонементы, как ни агитировали их учителя – да и учителя намекали, что с них-то за эти мероприятия негоже деньги брать. И в санаториях оказались либо пенсионеры-льготники, приехавшие по путевкам соцзащиты, либо новые богатые, которых классика не интересовала. Белогорская филармония не просуществовала и месяца.

Конечно, никто из друзей не смеялся, никто из родных не упрекал, что она тратит время и деньги впустую. И саму Ирину новая неудача не свалила, словно она была неуязвимым ванькой-встанькой.

Вот только в третий раз она не имела права промахнуться.

И не промахнулась. В третий раз она попала в десятку. Белогорск был работающим городом, активным, деловым – рекламы набиралось достаточно, хотя часть ее привычно уходила в районную газету. Главный редактор новоявленных «Белогорских вестей» поначалу объехала руководителей всех стоящих предприятий, фирмочек и фирм – и те, видя перед собой безукоризненную бизнес-леди с таким твердым, взыскательным взглядом, волей-неволей переходили на разговор в серьезных тонах, хотя многие и знали, что это та самая штучка – жена Ромы Голубева. Ирина не заискивала, не старалась понравиться, не обещала «всё, что хотите, за ваши три копейки», но скоро рекламодатели уже сами ехали к ней.

Тиражи росли, бесплатная городская газета набирала популярность. Белогорцы, привыкшие, что в районке о них пишут мало и коротко, с удовольствием читали о своих новостях и проблемах подробно. Начала расти команда – теперь она состояла уже не только из Ирины и

бухгалтера, к ним добавились журналист и фотокор, верстальщик, рекламный агент. Она была ответственна за то самое настоящее дело, о котором так мечтала, за своих работников и благополучие их семей.

И вот теперь взять и всех огорошить: всё, поделали газетку – и баста, я иду продолжать свой род, а вы тут сами, как хотите. Оригиналке Ирочке опять приелся ее имидж – из жгучей брюнетки становится миленькой блондинкой, меняет английский пиджак на что-то розовое и в оборочку – наигралась в газету и собирается играть в дочки-матери. После двух провалов взять – и еще раз всё провалить и продемонстрировать свою никчемность и безответственность – стоило тогда начинать? Или взять и всех удивить – погнаться за двумя зайцами...

Да нет, Ромка никогда не будет требовать от нее чего-то вопреки здравому смыслу, он же всё понимает.

Или нет?

Неужели ей не почудилось – и ее Ромочка, погруженный по уши в свою науку и далекий от всего бытового еще больше, чем она, созрел до отцовства?

Это было смешно, но Ирина вспомнила, как в начале лета они ходили в гости к Игорьку, двоюродному брату Романа, поздравлять с новорожденным. У Игоряши был такой же самодовольноглупый вид, как у всех молодых отцов, – словно он лично сделал что-то выдающееся. Женечка, его жена, казалась чуть живой после кесарева – до визитеров ли им было? Над слабеньким, страшеньким, не совсем допеченным младенцем кудахтали бабушки. Ирина всегда панически боялась грудничков, которые ни с того ни с сего начинают орать – и непонятно, что с этим делать. В ее родительской семье малышей не было, она никогда не видела, как с ними возятся. А Игоревич как раз как заорет! Конечно, она поторопилась откланяться, едва вручив подарок.

А ведь Рома был, очевидно, опечален, когда она сбежала от писклявого младенца и сюсюкающих теток! Неужели огорчился отсутствию в ней инстинкта наседки? Ирина расстроилась еще больше. Правда, тогда она подумала, что он просто недоволен тем, что не соблюдены приличия: надо было тоже немного посюсюкать и тогда уж уходить – Ромочка ведь такой правильный.

А может, ни до чего он не созрел, а только хочет, чтобы всё было как у людей? У брата появился наследник – и ему надо? И ведь никогда не скажет прямо, будет ждать, изводить своим печальным взором – догадайся, мол, сама. А она возьмет – и не догадается.

Или все-таки показалось? Расстроилась из-за нелепой дружбы с мальчишкой и напридумывала на пустом месте...

Лучше бы не было этой паузы в сонном салоне автобуса! Лучше ходить и ходить, сбиваясь с ног, слушая одного экскурсовода за другим.

Когда закончится этот ужасный дождь?! Когда вернутся эти экстремалы?! И как это некоторые умудряются так сладко дремать?!

Лена Берестова дремала, удобно устроившись в кресле. Наконец-то можно отдыхать по-настоящему. Ребенок весь день ведет себя образцово, что на его языке переводится как извинение. Кому нужны формальные вымученные монологи? Если сам всё понимает, нравоучения ни к чему. Видимо, вчерашняя вспышка – это все-таки возраст и гормоны, тут лучше не пережимать.

То, что сын уже час бродит под дождем по мокрому лугу, ее не очень тревожило. Николай мог заболеть скорее в ограниченном пространстве, на воле же его бодрость и энергия возобновлялись сами собой. Еще маленький, он мог долго идти, не уставая и не жалуясь, к чему-нибудь новому и интересному, всегда быстро осваивался в незнакомых местах, никогда не терялся, а уж родной город изучил во всех подробностях еще в начальной школе – или раньше?

И если то, что каждый ребенок в чем-то талантлив, – не общее место, а явление живое и бесспорное, – у Ника был талант первопроходца. Лена, осознав это, опечалилась: ведь мало иметь способности, надо еще, чтобы они пришлись вовремя. Имеющий дар отличать съедобные растения от несъедобных и ядовитые травы от лекарственных вряд ли разовьет его и приспособит в наше время и, скорее всего, будет считаться посредственностью – так же как человек с задатками великого физика не был бы востребован, родился он в каменном веке.

Что же делать с архаичным дарованием сына, когда все земли уже открыты, поделены и переделены и нанесены на карты? Кстати, он и карты прекрасно рисует... Куда легче разобратся с талантом, универсальным для всех времен, музыкальным или изобразительным.

И всё же, не зная, как направить способности сына в мирных целях, Лена в глубине души ими гордилась. Та же искра божья озаряла открывателей русских земель – Дежнёва, Хабарова, братьев Лаптевых, Лазарева, плывущего в Антарктиду. Национальный тип в Ленином представлении делился на два былинно-сказочных образа: Илью Муромца, лежащего на печи и грозно встающего с нее в минуту опасности, и неугомонного Ивана-царевича, которого всё несет и несет за приключениями в тридевятые царства на самых неожиданных видах транспорта. Ничего, ее неумный Николай сам прекрасно найдет, куда себя приспособить. В крайнем случае, в каком-нибудь экзотическом виде спорта, как Рома Голубев...

То, что сын подружился со взрослым мужчиной и весь день наступает Роману на пятки, Лену совершенно не беспокоило – Ник всегда заводил необычные дружбы. Одно время возился с шестилетним малышом, подолгу о чем-то разговаривал, плавать учил на озере. А недавно привязался к одинокому старичку, помогал ему, как настоящий тимуровец, – как это ни странно для современного мальчишки. И ничего ей не рассказывал, как о своих детских походах на рынок. Лена не вмешивалась: конечно, ему не хватает дедушки, ее отца, они ведь так дружили.

Логичнее было бы предположить, что ему не хватает собственного отца, но подобные мысли просто исключены. У них эта тема не поднималась: родного Ника не помнит, Лена рассталась с ним много лет назад, а привести заместителя никогда не думала.

Ее отец, академик Николай Берестов, был человеком известным и далеко за пределами Белогорска. А в самом Белогорске он посадил тот самый легендарный парк, который, кажется теперь, был здесь вечно – огромный, с растениями и деревьями почти со всех широт. В советские времена в НИИ часто приезжали иностранные научные делегации, и сложилась традиция – сажать деревья той страны, откуда прибыли гости. На Аллее Дружбы росли японская сакура, индийская сирень, ливанские кедры.

Дед постоянно водил внука в берестовский парк, показывал разные растения – и рассказы о них заменяли маленькому Николаю обычные сказки. Постепенно он привык считать парк продолжением дома и во втором, кажется, классе, в сочинении на тему «Моя семья», написал: «У нас есть парк. В нем живут большие деревья...» – и дальше о каждом важном дереве, как о члене семьи, изложение дедовых сказок.

В доме Берестовых всегда было много народу. Коллеги, ученики, бесконечные родственники, просто посетители – Николай Иванович был еще и бессменным депутатом. Сколько Лена себя помнила, он постоянно кому-то помогал, куда-то звонил и за кого-то просил – устраивал на работу, хлопотал о жилье, о пенсии, о продвижении кандидатской, о приеме в аспирантуру, о публикации статьи в научном журнале. И всё это казалось естественным, хотя с ней он почти совсем не общался – не успевал, – даже когда Лена выросла и выбрала биофак, и им было о чем поговорить.

Нет, она никогда не ревновала отца к его Делу – это было святое, ее саму учеба, а потом работа захватывали точно так же. Но Лена терпеть не могла его пришельцев – так она называла почти всех, кто к академику Берестову приходил и вокруг него вертелся, – за несколькими

исключениями. Лена ясно видела, что одни бесцеремонно решают свои дела, другим просто хочется погреться в лучах светила, иные ненавидят большого человека за его величину, но даже себе в этом не признаются, демонстративно нося маску преданности, – и не понимала, как остальные могут этого не видеть – особенно сам отец. Она ненавидела тех, кто отщипывал от него по кусочку, и ничего не могла сделать, а Берестов посмеивался над дочкиной холодностью к его окружению, принимая ее за нелюдимость.

Но ее интуиция оказалась сильнее его доверчивости – в этом Лена убедилась, когда отец, больной и состарившийся, оказался совсем один. Пришли новые времена, безжалостные и безразличные к старым и слабым. Сбережения обесценились, пенсия стала призрачной, одна операция следовала за другой, а те, без кого раньше не проходили ни праздники, ни будни, просто растворились. Немногие настоящие друзья, такие же старые и больные, мало чем могли помочь. А пришельцы – что ж, здесь им больше нечем пожить, и они приспособивались к жизни по новым правилам.

И Лена, привыкшая ощущать отца незыблемой опорой, причем не только для себя, вдруг обнаружила, что единственная опора – это, кажется, она сама. Для всей семьи Берестовых.

Включая маленького Ника – ее собственный брак к тому времени уже распался. Надо было заканчивать учебу, сводить концы с концами, ухаживать за больными родителями – о какой личной жизни могла тогда идти речь!

Особенно после двух похорон. Только тогда Лене стало по-настоящему страшно. Она поняла, что даже больной отец все-таки продолжал быть опорой – она была не одна.

Но она и теперь не одна – их двое, мать и сын. Малыш растет, открывает мир, который никак не должен оказаться жестоким или убогим, бесцветным – его детство останется с ним на всю жизнь, оно должно будет укреплять его и поддерживать, и запаса счастья должно хватить на долгие годы. Ребенка не должно касаться то, что мама не может найти приличную работу или что ей неоткуда взять денег на новые игрушки и вкусности, которые едят другие дети.

Она уже не папина дочка, а взрослый человек. И не должна позволять себе погрузиться в уныние и безысходность, постепенно распродавая ценные вещи и бесценную библиотеку. Вариант ДДД – доживаем, доедаем, донашиваем – с ходу был отмечен. Ленино решение было более радикальным: она продала их загородный дом. Тот, любимый, наполненный воспоминаниями, с теплыми вечерами на крылечке и ее детским смехом, с кошачьими историями и незабываемыми дружбами, с «секретиками» в саду и осиным гнездом в беседке. Они жили там больше, чем в городской квартире – Лена даже в школу ходила в Сосновом Бору.

Но за «дачу академика» давали больше, чем за квартиру в «зефире», доме пусть тоже престижном, и выбор был сделан, а деньги вложены в дело – в питомник декоративных культур. Сейчас об этом вспоминалось не без внутренней дрожи: как она тогда могла решиться – девчонка, вчерашняя студентка, совершенно без всякого опыта, жизненного и профессионального! Но не было ни колебаний, ни сомнений – Берестовский питомник должен обеспечить их семье твердый достаток, чтобы призрак голода больше никогда не посмел замаячить. И само его название должно говорить о том, что их фамилия жива.

Желающих капитально и продуманно обустроить пространство вокруг своих особняков становилось всё больше. Клиенты заказывали дизайн и «как у соседа – чтобы и бассейн, и водопад, и альпийская горка», и эксклюзив – «чтоб такое только у меня» – как тут пригодилась Ленина фантазия! А потом началось поголовное увлечение фэн-шуй.

Разнообразие заказов ее увлекало, даже капризы, способные поставить в тупик, только подзадоривали. Регулярный французский парк? Что ж, двадцать четыре сотки – не Версаль, но попытаться сделать маленький версаль – задача интересная. Заказчик хочет, чтобы деревья сразу были большими? Ничего невозможного нет – зимой ему посадят крупномеры, а летом он уже будет гулять в густой тени. Ах, вы желаете английский сад на русский манер, и несколько

фирм уже отказались? Наша не откажется. А вам приглянулся экологический проект? Мне это тоже по душе...

Питомник встал на ноги и скоро смог принять под свое крыло Берестовский парк, оказавшийся заброшенным и запущенным – пока одни кинулись делать деньги, а другие пытались выживать, всем было не до красоты.

Так какая там личная жизнь, без выходных и отпусков?

Конечно, красивую молодую женщину замечали многие, а многие замечали успешную владелицу прибыльного дела, но ей они казались или забавными, или никчемными, или и то и другое вместе – вроде господина Чупа-ненко. К тому же было очевидно, что даже идеальный мужчина встанет между ней и сыном. Это умозрительно, теоретически, а практически им ведь никто и не нужен. А срывы и неприятности бывают и в полных семьях – куда от них денешься.

И как вовремя эта остановка в пути, хотя и безумно жаль в то же время, просто нелепо: быть в Боголюбово – и не побывать в Покрова на Нерли. Зато удалось замечательно отоспаться. А вот и свои возвращаются, мокрые и счастливые.

Владимир

В дороге и в несчастье всегда рождается дружба, и ярче проявляются способности человека.

Lone de Vega

– Вы прямо Айседора Дункан, – проговорил улыбающийся Чупаненко, подхватывая голубой воздушный шарф Елены, готовый улететь, – при выходе из автобуса обнаружилось, что к дождю прибавился еще и ветер.

Ник, наблюдая, как матери опять приходится благодарить Чупакабру за любезность, подумал, какой же он дурак со своей дурацкой эрудицией и дурацкими комплиментами. Наверное, только ему одному неизвестно, что Айседору ее шарф удавил.

А Роман, нагоняя Берестовых, принялся беззаботно насвистывать «крутится-вертится шар голубой». «Он еще и свистит», – изумилась Ирина, а Роман повернулся к ней:

– Там же «шарф» на самом деле, в этой песенке? Помнишь, ты когда-то рассказывала.

– Да, – подтвердила она рассеянно. – Сначала, исторически, был шарф, потом буква «ф» свелась – мешала петь.

Эрудиция Голубевых Ника почему-то совсем не раздражала, а Лена даже обрадовалась:

– В самом деле? То-то мне всегда представлялся какой-то угрожающий глобус над беззащитной макушкой – и так он не вязался с любовью к барышне. Я этот шарфик завела специально для поездок. А то платок всё забывала захватить – не люблю себя в платке, – а в некоторых храмах строго. У одного монастыря – Николай, помнишь? – пришлось рыться в коробке у входа, с бесплатными платочками. А хорошие уже разобрали, остались грязненькие всякие...

– А мама всё роется, переживает, что экскурсия уже началась и без нее всё рассказывают, – жизнерадостно подхватил Ник. – И дорылась – вытащила из этой коробки громадные семейные трусы в цветочек, да как развернет!

– Вот после них и был куплен шарф голубой, – заключила Лена.

Туристы разбрелись по Соборной площади, отдыхая от экскурсовода и постоянного притока информации и делая снимки на память.

– Вроде всё запечатлели? – справился Роман, убирая фотоаппарат. – Смотри, наш ландшафтный дизайнер опять в церковь ныряет – и мальчишку тащит за собой. Там служба, что ли, сейчас?

Набожность молодых и привлекательных женщин вызвала в нем иронию, которой он не скрывал. Ирина подозрительно глянула в ту сторону – не собирается ли впавший в детство муж опять затеять игры с мальчишкой? – и рассеянно отвечала, доставая зонтик:

– Мы там утром уже были. Может, люди просто дождь хотят переждать.

А когда сами Голубевы, решив пройтись до смотровой площадки и не спеша постоять над живописным обрывом, поравнялись с Успенским собором, дождь так припустил, что ничего не оставалось, как зайти внутрь. Там действительно шла служба, горели свечи, и под мелодичный распев священника храм выглядел совсем иначе, чем под бодрый утренний голос гида. Правда, священника видно не было, задние ряды прихожан всё загораживали.

Ирина подумала, не купить ли свечу, раз уж они тут оказались – прилавки со свечками, иконами и духовной литературой как раз должны быть у входа, – но передумала: начнешь проталкиваться и помешаешь кому-нибудь. Люди все-таки молиться пришли. Правда, у тех, кто стоял рядом, особого молитвенного состояния не замечалось.

Подошел молодой человек в рясе, наверное, семинарист какой-нибудь, и давай крестное знамение творить – да так размашисто, разухабисто, будто банным веником машет, того

гляди ушибет кого-нибудь. Ромка быстро отвел глаза, уголки губ у него вздрагивали. Сбоку старушка, гоголевская Коробочка, наоборот – частит и частит, движения руки мелкие-премелкие, скупые, будто копейки считает. И всё губами шевелит – видимо, перечисляет бесконечные просьбы к Богу, стараясь ничего не забыть.

Мужчина с совершенно безумным лицом что-то бормочет и всё громче, почти в полный голос. Ромка возвел глаза к потолку, сдерживая улыбку, а Ирина отодвинулась – кто их знает, сумасшедших, юродивых.

Поймав на себе косой взгляд еще одной старушки, согнутой в три погибели то ли поклоном, то ли жизнью, она поспешно набросила на голову капюшончик. До спецшарфа еще не додумалась. А надо бы – ничему жизнь не учит! Последний раз Ирина была в церкви – не с экскурсией, а по зову души – давно, еще девочкой. Шла из больницы – навещала маму, которая серьезно болела, и что-то вдруг потянуло. Конечно, она была без этого несчастного платка. И одна старая карга как накинется! Ирина и сейчас вспоминала об этом с содроганием – а тогда ведь еще маленькая была, расстроенная, уязвимая... Священник бабку одернул, но она уже так домой бежала! И зова души с тех пор не было. Заклинило, должно быть.

– Платка не наденут... денег, что ли, нет купить... чем богаче, тем жадней...

Это шипит та самая скрюченная старушонка. Ирина шарахнулась. Опять?! Конечно, в церквях всегда толкуются эти бабки: встретят недобрым взглядом, насквозь им понижут, полезут с указаниями, потому что лучше всех знают, как правильно молиться и креститься. Теоретически – лучше на них вообще внимания не обращать.

– Лба не перекрестят... ходят, как в театр... думают, Господь их молитву примет...

А практически Ирина вылетела прямо под дождь. Ее окатило сплошным потоком с крыши, она метнулась назад, столкнулась с кем-то, уронила сумку... В висках колотилась какофония, словно оркестр взбесился и все инструменты одновременно взвыли диким воем. И зачем им с Ромкой понадобилось сюда заходить! Могли бы погулять под зонтиком...

– Ничего, я всё уже собрал. Смотрите, и книжка не испачкалась.

Сын Елены протягивал ей вылетевшую мелочь и побывавшее в луже зеркальце, быстро вытерев его об свои штаны. Взглянул на книжку, прочитал вслух:

– Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак.

Взгляд вопросительный: книженция – явно не дорожный детектив. Ирина почему-то начала объяснять:

– На вокзале увидела. Это новый перевод, александрийским стихом, каким сам Ростан писал. Сразу захотелось почитать – французского я не знаю, а тут кажется, что ближе к подлиннику, если размер выдержан...

– Аутентичный Ростан, – весело подхватил Рома, появляясь на крыльце. – Ты чего сбегала? Душно? Ирина признает только всё настоящее, – сообщил он Нику. – Своих учеников водила на концерты аутентичной музыки и меня заодно. Ну, это когда старинную музыку исполняют на таких же инструментах, для каких ее сочиняли лет двести назад. Не рояль, а клавесин, не гитара, а лютня. И правда, иначе звучит.

– А вы думаете, эта старина, которую нам показывают, настоящая? – неожиданно прищурился Ник. – Нет, я знаю, что это не новодел, и про несколько метров культурного слоя, который всё меняет... Но все-таки – мы вот это всё видим таким же, как те древние люди? Если на провода и самолеты внимания не обращать? Самое главное – осталось?

Роман и Ирина переглянулись, не зная, что ответить. Если мы другие, как мы можем видеть так же? А мы – другие? А что считать самым главным?

– Мы же с тобой специально на службу зашли, чтобы представить, как всё было, когда нас не было, – ответила за них подошедшая Лена. – Храм тогда живой, не музейный. А ты взял и смылся. Мне всегда хочется увидеть старинные церкви настоящими, в действии. – Это уже

Голубевым. – Вообще ловлю себя на том, что хочу еще раз вернуться в те места, где только что была, – когда они уже не позируют, и увидеть то, что второпях пропустила.

Ирина невольно улынулась – стало быть, ее стремление к подлинности не уникально и встречается в разных формах почти у всех подряд. Жизнь так коротка, и было бы так бездарно довольствоваться заменителями и подделками! Или мать и сын Берестовы – не все подряд? По крайней мере, уже не так ужасно на душе после бабки. И Ирина тут же простила Лене небрежность в воспитании и вчерашнюю майку Ника.

А мальчишка фыркнул:

– Ага, зашли и увидели. Смех один. Особенно тот мужик, который крестится, как зарядку делает. Хорошо еще, что без гантелей. Видели? – повернулся он к Роману, и тот расхохотался.

– Вот и я вечно в храме отвлекаюсь, никак не могу на молитве сосредоточиться, – засмеялась и Лена. – Наверное, потому, что бываю редко. Мы ведь с вами рядом стояли – и правда, клоуны какие-то вокруг. Изю всех сил пытаюсь что-то расслышать, разобрать – и понимаю, что всё пропало, зря пришла. Все не такие, и все мне мешают, и всю молитву испортили.

– Надо было в потолок смотреть, – перебил Ник. – Меня когда в школе смешат, а заржать никак нельзя – так глаза в потолок, или такой размытый взгляд сделать, чтобы не действовало...

– А я, по-твоему, в школе не училась? Уставилась в потолок, на росписи. И вот смотрю, смотрю на них – и вдруг замечаю, что я не одна смотрю, а вместе со всеми, кто здесь был когда-то до меня. Храм намоленный, и незримое присутствие многих-многих людей так явственно ощутилось! Всех, кто так же, как я, приходил сюда за душевным покоем. Весь купол ими наполнился. И вдруг так стало легко, – весело завершила Лена. – Не представляете, я всех простила. И мальчишку – повзрослеет и перестанет манерничать. И большого дядьку – вылечится и успокоится. И бабу-счетовода – да пусть ее будет, какая есть. И больше мне уже никто не мешал!

Ник продолжал потешаться, а Ирина жестко сказала:

– Лена, вы очень светлый человек. Потому и увидели в этой толпе отражение вашей светлой веры. А они на самом деле остались, кем были, – дураками и клоунами.

В ее словах звучала непонятная горечь – Роман взглянул на жену с тревогой: даже в увеселительной поездке ее всё или выводит из себя, или чересчур волнует. А Лена беспечно махнула рукой:

– Какая там светлая вера! Я верю мало и плохо, а по-настоящему надо – много и хорошо... Как у нас со временем – можно еще погулять или пора назад, к автобусу?

Роман посмотрел на свои большие часы.

– К автобусу. Сейчас ужинать повезут. – Взглянул на Лену с улыбкой: – Или вы хотите... э-э... еще внутри постоять?

Лену его едва заметная ирония нисколько не обидела, она улынулась в ответ, покачав головой, а Ирина тут же одернула мужа, выражая взглядом всё, что неудобно сказать вслух. А когда Берестовы двинулись вперед по дорожке, потихоньку заговорила: хватит ёрничать, чего особенного в том, что люди, путешествующие по Золотому кольцу, заходят в церкви, не все же получили одинаково безбожное воспитание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.